

СОРОКОВЫЕ — ПЯТИДЕСЯТЫЕ ГОДЫ

М. И. ЖИХАРЕВ

Отрывок из записок современника ¹

Начало текущего века ознаменовано для нашего отечества великим событием, истинное значение которого по сие время, кажется, не оценено надлежащим образом. И неудивительно!.. Мы так ленивы и нелюбопытны, что ничто из совершающегося вокруг нас не овладевает нашим вниманием, не становится для нас предметом продолжительных и основательных размышлений. Пройдет ли мимо нас что-нибудь особенно замечательное: мы посмотрим, потолкуем, и дело кончено. Случится ли что-нибудь неежедневное, чудное, невиданное: мы поговорим, поспорим, пошумим, разоидемся и все забудем. Уединенный, спокойный труд зрелого обсуждения у нас не существует: в великом событии мы не привыкли и не умеем видеть великого урока. То, что было до нас, нам совершенно чуждо; с минувшим мы расстаемся навсегда, разделяемся окончательно. Столетие кануло в вечность: мы, проводив его до могилы, живем и пользуемся настоящим, как умеем, не сотворив вечной памяти усопшему. Событие совершилось, гроза миновалась — и в нашей памяти нет более для них места; никому не приходит в голову об них поразмыслить, возвести их на степень идей, которые поступили бы в достояние всемирного разума. Эта сонливость в мышлении весьма естественно привела нас к довольно странному вопросу: суждено ли русскому народу, этой огромной отрасли человечества, жить исторически? Имеет ли Россия свое особенное призвание, которое указало бы ей место в ряду государств европейских? Вопрос этот судили по одним наружным признакам, которые в настоящем случае более, нежели когда-нибудь, обманчивы, и решили отрицательно. Кажется, что в настоящее время уже можно усмотреть причину такого заблуждения. До сих пор дух русского народа не был оценен; настало время этого великого труда. Смелый вопрос и последо-

вавшее за ним еще более отважное самоотрицание уже положили начало труду мышления. Россия возрастала с изумительною быстротою; но вместе с тем мы всегда были совершенно чужды самообсуждения и самопознания. С этой точки зрения, мне кажется, что Россия до настоящего времени была несколько похожа на воспитанника Руссо: она знала многое из того, что познают только государства возмужалые, и в то же время находилась в неведении многого такого, что часто бывает известно племенам младенствующим. Это странное явление объясняется тем, что внутреннее наше развитие совершалось не последовательно, а, напротив, было возмущаемо причинами внешними. Не на развалинах отжившей образованности начали мы свое существование; не нам было завещано наследие веков; не парил над нами могущественный призрак некогда сильной, уже окончившейся жизни; не нас руководили чарующие воспоминания. На почве обнаженной взросли мы, чтобы на ней явить миру новое, дотоле небывалое существование: каждый шаг вперед нам надобно было добывать самим, приобретать силой. Каждое явление нашей истории истекало из самородных сил народа: мы не пользовались преданием, зато редко встречали препятствие в исторических необходимостях. Теория воспитания Руссо во многих отношениях прекрасна, но в приложении к отдельному лицу — неисполнима. Кто знает, не более ли годится она для целого народа, отделенного от остального человечества географическим положением, образом мыслей, особенным порядком вещей? Отсутствие в нас самопознания, продолжавшееся почти тысячелетие, должно было наконец прекратиться, и первое проявление, первый акт нашего самоизучения необходимо должен был выразиться в некотором унынии, в чувстве собственной немощи.

Нет ни малейшего сомнения в том, что в длинный период нашей истории, от ее начала до Петра Великого, племя русское успело уже обнаружить свой характер. Впоследствии энергическое развитие, которым оно обязано Петру Великому и которое во многих отношениях было столь благотельно, приостановило на некоторое время развитие нашей народности, но не ввело нас совершенно в сферу европейской образованности. Для великого народа уже только после периода могучей, резко обозначенной и глубоко сознанный оригинальности наступает время значения мирового; так оригинальный только юноша, отличный от других чувством, страстию и мыслию, может впоследствии соделаться великим мужем; в противном случае он останется навсегда существом обыкновенным. Исполняя свое высокое

призвание, преобразователь не имел в виду и даже не предполагал этого всемирно-исторического закона. Вполне понимая вещественные выгоды западной образованности, вполне признавая ее духовное достоинство, очарованный ее блеском, благоговей пред ее могуществом, он принялся знакомить нас с этою образованностию. И те, которые думают, что с него началось вступление наше в мир европейский, весьма ошибаются. Преобразование Петра Великого было только необходимым условием для дальнейшего и притом отчетливо сознательного развития русской народности; он дал нам мерило собственного нашего значения, средства для сравнения себя с другими. Он произвел движение, которое до него было невозможно в силу очень простого правила, по которому нельзя знать самого себя, зная только одного себя; по которому для верного и полного самопознания необходимо нужно начать с того, чтоб отличить себя от других. Этот труд начался для нас с нашего Великого Петра. Понятно, что идея западной образованности, перенесенная к нам из-за морей всеильным словом самодержавной власти, заключала в себе столько чар и величия, что могла и должна была обратить на себя всеобщее внимание и даже на время заставить нас забыть природные наши силы и достоинство. Мы не стали обращать внимания на то, что мы народ отдельный, самобытный, великий; мы с неслыханным фанатизмом бросились на все иностранное; считали едва ли не за бесславие быть русскими и стремились только к тому, чтобы казаться европейцами; мы усомнились в разумности нашего народного отличия; с нами повторилось нечто очень похожее на то, чему были свидетелями средние века на Западе. Некогда Запад поклонялся безусловно просвещению древних, и герой западного мира, Карл Великий, во многих отношениях имеет сходство с нашим Петром. Мы призвали к себе иностранцев и дома начали от них поучаться. Этот подражательный период нашей истории продолжался до конца XVIII века; заключительным его явлением было наводнение нашего отечества французскими эмигрантами.

Царствование Екатерины II представляет явление необыкновенное. Ее внешняя деятельность, победы и завоевания, достоинство, вес и значение империи, приобретенные не без тяжелого напряжения сил государства, не составляют еще ничего изумительного. Прежде и после повторялись такие явления. Но чрезвычайно замечательно внутреннее движение в самой России. Гениальная царица, по происхождению иностранка, по призванию усвоившая себе характер русского народа, умевшая приводить в вещь содрогание самые благородные струны

русского духа; двор, во внешнем своем устройстве почти списанный с версальского, во внутреннем же крепкий и истинно народный; дворянство, заключавшее в себе и больших бар в смысле вельмож Людовика XIV, и таких господ помещиков, которые выходили с холопами на разбой; среднее сословие мистическое, в смысле мистиков XVIII века; подтверждение прав купечества, дворянской грамоты² и переписка с Вольтером — все это было какое-то чудное смешение пробуждавшегося сознания народного с подражанием Западу, борьба старого порядка с новым, какое-то брожение стихий разнокачественных, долженствовавших наконец сочетаться в одно целое, спокойно и величаво разрешиться чем-то необыкновенным.

Но и в это время мы не могли еще приступить к основательному самоизучению, потому что мы еще не знали вполне других. От появлявшихся у нас иностранцев узнали мы только то, чему им угодно было нас научить. Наши большие господа побывали уже в Париже, это правда; шаги северных варваров попирали уже ковры в залах Трианона и Версаля; Шувалов и княгиня Дашкова дружески беседовали с Вольтером и с другими замечательными людьми того времени; Салтыков и Юсупов танцевали с красавицами двора версальского, ужинали с прелестницами и философами; Фонвизин смутно предчувствовал французскую революцию³; но кроме того, что подобные сношения с Францией были у нас довольно редки и не могли достаточно познакомить нас с представительницею Запада, должно еще заметить, что эти сношения познакомили нас только с двором и аристократическою частью общества, т. е. с самою ограниленною, самою устарелою частью западного мира. Так представилась нам Франция Людовика XIV, искаженная регентством, обесславленная постыдным царствованием развратных женщин на первом из европейских престолов того времени, и Франция первой половины XVIII века, умственное и нравственное движение которой было медленно, робко, исполнено уступок, тонких намеков, вкрадчивых двусмысленностей, утивых эпиграмм. Нам неизвестна была истинная Франция, в которой, если и неединодушно, однако пламенно веровали в Руссо с братией, где готовилась революция, где созревали твердые, непреклонные убеждения Лафайета, где закипал могучий гнев Мирабо. Что нашли во Франции двое из самых замечательных русских путешественников той эпохи? Фонвизин энергически рисует картину разрушающегося общества, но нисколько не подозревает страшного взрыва революционной грозы: его уста произносят только слова насмешливого сожаления. Ка-

рамзин, в виду которого буря начинает уже свирепствовать, подшучивает, как можно милее, над громовыми движениями ораторов-исполинов⁴. Франциею того времени мы гнушались, мы презирали ее, изредка удостаивали мы ее нашей ненависти. Путешествия лиц, принадлежавших к избранной части нашего общества, не могли доставить великой пользы остальной его части, различной по образу мыслей и по чувствам и не понимавшей французского языка. Такого знакомства с Западом для нас было недостаточно. Некогда иностранцы посетили нас, пришло время и нам подвинуться до них, чтобы подвести итог целому столетию нашей истории, чтобы познать западный мир лицом к лицу и, изучив его сравнительно с нами самими, идти от успеха к успеху, прежде рука об руку с Западом, а потом, может быть, и оставив его за собою.

Великое дело совершилось. Отдельная отрасль человечества, которую некогда упрекали в том, что она отказалась от участия в крестовых походах, двинулась теперь за своим наследием. Орлы Суворова появились в Италии и потом, в продолжение почти двадцатилетия, русское войско ходило по иностранным землям. Оно остановилось лишь тогда, когда внесло победоносные наши знамена в столицу европейского просвещения⁵. Здесь многолетний его подвиг кончился освобождением народов, здесь, после долгих бурь и страшных битв, молодые Скифы могли спокойным и пытливым оком вопрошать тайну не при них образовавшейся гражданственности. Мы не имеем намерения и не чувствуем в себе довольно способностей для изображения этой чудной, прекрасной эпохи нашей истории; однако остановимся несколько на ее событиях, потому что они вполне обнаруживают ту особенность русского народа, которая, как мы уже сказали, не была до этого времени надлежащим образом оценена. Мне кажется, что на этих событиях лежит печать, с одной стороны, отсутствия в нас охоты к самообсуждению, а с другой — нашей способности к энергической деятельности. Эта деятельность проявляется медленно и поздно, но в этом самом есть подтверждение того, что русский народ развивается исторически: ибо редко бывает, чтобы в народной жизни спокойная, сама в себе сосредоточенная мысль могла дружно ужиться с кипением еще юношеских сил, не искушенных продолжительным опытом. Есть народ, вечно юный и вечно возмужалый, в уровень с своими братьями; он мысль приводит в действие почти в то же время, когда скорбящее чело его озаряется ею: но мы не обладаем инициативною природою этого народа; мы идем путем медленного, строгого анализа, и если мы тяжелы на подь-

ем, если не нам суждено идти впереди, если нам предписано совершить свое земное странствование путем уже проложенным: тем не менее судьбы наши велики и мы имеем право на наследие общечеловеческих успехов; нам позволено верить, что мы исполним требования, которые не в силах совершить другие; что мы отзовемся на вопросы, другими заданные.

Люди, обладающие особенною силою воли, предоставляют другим труд действовать и мыслить за себя там, где употребление собственных сил не считают себя достойным. Быть может, и великий народ не выражает ясно своей воли, когда понимает, что не настало еще для этого время. Необыкновенное терпение, продолжительный сон, могучее пробуждение — вот фазы, являемые всею историею русского народа. Многие великие народные события произошли у нас как бы вследствие какой-то импровизации, вследствие вдохновения, долго таившегося и потом вдруг обнаружившегося с стремительною силою. Подтверждением нашего мнения служат все великие явления самобытной силы русского духа: освобождение от ига монгольского, быстрая и прекрасная развязка драмы междоусобия и чудный успех вечно памятного двенадцатого года. Успех этот, что бы ни говорили, главнейше зависел не от стратегических соображений, не от ошибок великого полководца, из которых великому народу постыдно создавать себе славу, но от всеобщего, беспредельного народного энтузиазма, так прекрасно, так достойно согласовавшегося с твердою и благородною решимостию того, кто в это время был видимым Провидением России. Этот энтузиазм сильно выразился в бессмертном манифесте Благословенного, и слова этого манифеста навсегда останутся лучшим истолкованием России двенадцатого года⁶.

В самом деле, обрушится ли на нас великое бедствие, — мы наклоним шею, вытерпим удар, который разрушил бы всякое другое, менее исполинское существование; но в то же время таим в себе необыкновенную силу сопротивления; мы можем нести тяжкое иго так долго и постоянно, сколько нужно для того, чтобы нравственные силы народа, связанные и скованные, дошли до последней степени унижения и рабства. Тут народная личность мгновенно восстает, гордая и мощная; государство с неимоверным усилием стремится к самобытной жизни. Так и в 1812 году: народ пробудился, закипел гневом и совершилось то, что, по человеческому предвидению, казалось невозможным. Верования народные воздвигают Святого Мстителя: среди первопрестольной столицы, объятай пламенем, восстает Чудотворец, покровитель России. В уровень Великому

Ивану, грозный и разгневанный, с сверкающими глазами, освещенный неизменным заревом, всякую ночь обтекает он город, им хранимый, погружает в глубокое усыпление державные думы Великого, изрекает страшное мщение, страшную гибель тому, кто посягнул на осквернение святыни*. И в самом деле, более полумиллиона лучшего войска в мире, одушевленного славою небывалых дотоле подвигов и предводительствуемого самим богом славы, не уходит назад с полууспехом, не терпит бедствия вполовину, но гибнет все, гибнет в жертву будущих судеб полунощного царства, гибнет, невзирая на отчаянное и славное сопротивление. Возможно ли, чтобы такое событие не имело внутреннего, многозначительного смысла? Как не верить, что, раскинувшись на седьмую часть земного шара, великая, отдельная отрасль человечества должна явить миру нечто новое и небывалое; что русскому народу суждено вписать важную и красноречивую страницу в книгу всемирной истории? Как не верить, что ежели наше развитие иногда медленно, так это только потому, что оно исполинское, а исполины растут скоро в одних сказках.

И с бою взятый нами Париж отворил свои ворота вооруженным примирителям; с справедливым сознанием совершенного подвига, но в умиленном смирении, подобающем тому, кто совершает волю пославшего его, повел чрез них Благословенный свои грозные дружины. Дело Великого Петра исполнилось. «Вершина здания, которого первый камень положен Великим Петром, воздвигнута Благословенным Александром»⁷. Сравнить нас с другими народами стало возможно. Познав разумно и отчетливо свою особенность, народ русский может свободно трудиться для нравственной и умственной сокровищницы всего человечества.

Испытание было велико, но оно не последнее. Славно отсталяли мы свою вещественную независимость, вековечно упрочили свое вещественное могущество. Новое поприще открыто перед нами; нужно воспротивиться нападению иного рода: нужно отстоять самобытность и силу русской мысли.

* Известно, что в народе есть слух, будто Николай Чудотворец, ростом с Ивана Великого, всякую ночь расхаживал по Москве во время занятия ее Наполеоном: это предание показалось нам так глубоко знаменательно и народная фантазия, его взлелеявшая, так величественна, что мы решились им воспользоваться.